

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

О семантике категории числа. Инвариантным значением оппозиции по числу мы считаем признак целостности-нецелостности¹. Выделяется пространственно-временная и качественная целостность. В единственном числе объект мыслится как качественно целостный независимо от пространственно-временной целостности, т.е. независимо от того, можно ли поставить в соответствие объекту четко ограниченную пространственную область в каждый конкретный момент времени. Во множественном числе объект мыслится как нецелостный в пространственно-временном отношении, независимо от качественной целостности. Инвариантное значение категории числа подтверждается теми дополнительными смыслами, которые могут нести формы единственного и множественного числа в качестве называющей словоформы: 1) форма единственного числа развивает символическое значение, возникающее из представления о качественно целостном объекте, вне форм его пространственно-временной реализации (все примеры взяты из поэтических текстов М.Цветаевой): Мне и тогда на земле Не было места! Мне и тогда на земле всду был дом (*Всду были дома); 2) форма множественного числа развивает значение "реальной воплощенности" объекта, покоящееся на пространственно-временной целостности: Как я люблю имена и знамена. Волосы и голоса. ... Ладанки, карты, флаконы и свечи. Запах кочевий и шуб ("Стихи к Пушкину", 1913). В данном примере глагол любить требует для реализации своей семантики представления о реальной воплощенности называемых предметных реалий, что нельзя передать формой единственного числа (*Как я люблю имя и знамя. ... Ладанку, карту, флакон и свечу); 3) форма множественного числа развивает значение диверсификации (термин В.Г.Гака) обозначаемого множества, т.е. исчерпанного разнообразия его возможных воплощений: Каких убоюсь отрав? Все яды - водой отварной Мне чудятся ("Крестины", 1925). Возможно: Какой убоюсь отравы? Но повторная номинация все яды подхватывает именно то значение диверсификации, которое передается формой множественного числа; 4) форма множественного числа передает значение широкого пространственного и временного охвата, создавая образ "воплощенного" пространства и "воплощенного" времени: По кручам, по впадинам, И в щелку, и в пах, Как Дзингара в краденое - Деревья в ручьях ("Ручьи", 1923). Форма единственного числа (По круче, по впадине...) называет путь, которым растекаются ручьи, форма множественного числа передает значение ши-

рокой пространственной протяженности; Шевальнуться не смеет:
Родился — и лежи! Голос маленьких швеек В проливные дожди. Форма единственного числа (Голос маленькой швейки в проливной дождь) дает прежде всего качественную характеристику голоса; форма множественного числа, вводя значение пространственно-временной нецелостности, создает семантический фон реальной воплощенности "маленьких швеек", объединенных — в разное время и в разных местах — общим характерным признаком.

Категория числа есть речемыслительная категория, апеллирующая к основным формам бытия материи и мышления о ней — формам пространства и времени. Конституируя в языке понятие предметности, эта категория является значимой для всех имен существительных — для предметной лексики, связанной с пространственным параметром, и для отвлеченной лексики, связанной с временным параметром². В системе означивания с помощью данной категории осуществляется взаимообмен между разными лексико-грамматическими разрядами существительных. Предметное имя, снабженное значением "реальной воплощенности", т.е. мыслимое в связи с конкретной ситуацией, получает признаковое значение, становится знаком этой ситуации. Отвлеченное имя во множественном числе, обозначая "инстанции"³ действия или качества, получает способности обозначить предметы или лица, обставляющие ситуацию, которая формирует эти "инстанции". Лица и предметы получают тем самым качественную, динамическую характеристику, а ситуации — зрительное, образное языковое представление. Это соответствует реальному положению дел в неязыковой действительности: предмет существует не в безвоздушном пространстве, а входит как участник во множество ситуаций, действия, состояния и признаки прочно связаны с их носителями.

Отсутствие, или слабую представленность форм множественного числа отвлеченных имен следует рассматривать скорее не как запрет системы, а как результат их "не востребоваемости" в речевой деятельности. Прежде всего это касается обиходно-бытовой сферы общения: тот уровень конкретного языкового мышления, который связывается с этой сферой, делает обращение к данным формам избыточным. Но и здесь функционирует определенный набор форм множественного числа от отвлеченных имен: страдания, переживания, волнения, решения и т.п. Эти формы являются общепринятыми для литературного языка и никаких "запретов" не нарушают. В том же случае, когда вид речевой деятельности и неотделимый от нее тип языкового мышления обнаруживают потребность в данных формах, они появляются в большом количестве. Таковым является поэтический язык и поэтичес-

кий текст.

Поэтический язык и поэтический диалект. В основе поэтического текста лежит стихотворная форма речи, предназначенная для построения высказываний, которым нет аналога в прозаической форме. Эти высказывания можно назвать конкретно-обобщенными. Суть их состоит в том, что, будучи по форме конкретными, они по содержанию являются общими и соответствуют общим высказываниям в прозаической форме. Например, в прозаической форме представлено общее высказывание: Летом роши зеленеют, облитые палящим солнцем. Это высказывание не связано ни с какой конкретной ситуацией, и слово роши имеет универсальный или экзистенциальный денотативный статус. В строках Ф.И. Тютчева Смотри, как роша зеленеет, Палящим солнцем облита представлена конкретная, локализованная в пространстве и времени ситуация, и слово роша употреблено конкретно-референтно. Но поэтическое высказывание Тютчева также является общим высказыванием, потому что оно может быть распространено на множество конкретных ситуаций: всякий носитель языка может для передачи своей ситуации и своего восприятия обратиться к строкам Тютчева. Поэтический язык рождается как ответ на решение тех коммуникативных задач, которые стоят перед стихотворной формой речи и отражают потребности языкового коллектива в лично-обобщенном выражении своего духовного и чувственного опыта и мышления о мире. Поэтический язык продуцирует создание особого типа номинаций, способных принять на себя ту семантическую нагрузку, которая возлагается на эти номинации в поэтическом высказывании. Один путь создания поэтических номинаций — особый поэтический словарь; возможности этого пути блестяще реализовали себя в русском поэтическом языке первой трети XIX в. Второй путь — это поиск собственного авторского обозначения. Для поэтического инварианта существенным оказывается вскрыть семантическую непрозрачность предметного имени: представить предмет как совокупность признаков — это значит освободить его от случайности конкретного существования, обеспечить верность номинации/инварианта для разных вариантных проявлений предмета. Для поэтической номинации действия или состояния также существенно вырвать это действие из случайности его одноразового временного протекания, сделать его объектом размышления и оценки. Для решения этих задач и привлекаются возможности категории числа как моделирующей речемыслительной категории. Выразительность числовых форм в поэтическом языке есть реализация глубинной семантики этой категории.

Полноценный анализ выразительных средств поэтического языка

требует обращения не к конгломерату примеров из разных авторов, а к конкретному поэтическому идиолекту. Дело в том, что, хотя механизм создания выразительных средств определяется языковой системой и в этом смысле приложим к поэтическому языку в целом, свой смысл и назначение конкретное языковое средство получает только в рамках целостной системы. Поэтический идиолект — это такая система, в которой одни явления имплицитуют другие и исключают третьи. Поэтический идиолект, будучи системой импликаций, должен рассматриваться в динамике, поскольку отказ от выразительных средств одного вида и постепенное накопление других приводят к трансформации поэтического идиолекта. Номинативные возможности форм единственного и множественного числа как называющих словоформ рассматриваются далее в системе поэтического идиолекта М. Цветаевой. С целью исследования развития этого поэтического идиолекта анализируются два контрастных между собой этапа — 10-е и 20-е гг. Эти этапы можно условно обозначить как поэтическое мышление "классами" и поэтическое мышление "признаками". Мышление "классами" — это мышление о мире в тех формах членения действительности, которое задано классификационной системой языка. В такой системе наблюдается изоморфизм между предметом и способом означивания: предмет обозначается предметным именем, человек — личным, действие — глаголом. Лирический субъект выступает как участник конкретных ситуаций, о которых он сообщает на языке, близком и понятном читателю. В придании поэтическому высказыванию статуса обобщенности едва ли не главную роль играет в таком случае сама стихотворная форма речи. Мышление "признаками" — это мышление "поверх" классификационной языковой сетки, оно предполагает иные формы членения неязыковой действительности, рождающиеся как итог обобщения и наблюдения. Здесь главную роль играет сам поэтический язык: он метафоричен, его суть составляют смещенные номинации; такой язык находится не в противоположении стихотворной форме речи, а во внутреннем согласовании с ней, максимально высвечивая тем самым ее предназначение. Мышление классами эксплуатирует выразительные возможности форм единственного числа, мышление признаками — форм множественного числа. Реальность данных форм поэтического мышления подтверждается тем, что они синхронно не совмещаются между собой: так, в поэтическом идиолекте М. Цветаевой Ревность и Низость исчезают, когда появляются ревности и низости.

Формы единственного и множественного числа как выразитель-

ные называющие словоформы. С формой единственного числа связывается символическое употребление, рождающееся, как было сказано, из представления о качественной целостности объекта вне зависимости от конкретных пространственно-временных реализаций. При возведении нарицательного имени в ранг собственного возможна только форма единственного числа: Я помню ночь на склоне Ноября; В страну, где солнце правосудья Одно для нищих и вельмож — Между рубахой и грудью Ты сердце Матери везешь; Врожденная рана высоких душ. О Зависть моя! О Ревность!; Боролись Промысел и Произвол В ворочающей жернова — груди. Функциональная нагрузка подобных употреблений состоит в том, что в поэтический текст и в поэтическое высказывание вносится обобщающая точка зрения. Конкретная ситуация, сохраняя приданную ей форму пространственно-временной локализации, одновременно вскрывает свою причастность к другим, более общим измерениям, носителем которых является лирический субъект, ср.: — Вор! — Напрасно ждешь! Не выйду! Буду спать, как повелела Мне — от всей моей Обиды Утешенье — Консула! ("Стихи к дочери", 1919). Различие между от всех моих обид и от всей моей Обиды состоит в том, что форма множественного числа называет цель конкретных событий и поступков, квалифицируемых автором как "обиды", а форма единственного числа называет некоторую общую константу, отражающую субъективное восприятие мира. Сквозь призму конкретной ситуации проступают категории, в которых мыслит о мире лирический субъект.

В системе означивания действует принцип минимизации: если выбор формы единственного числа не связан с передачей конкретных значений ("один — более одного члена из множества", определенность — неопределенность обозначаемого объекта, ср.: Так писем не ждут. Так ждут — письма), избирается форма единственного числа. Поэтому выбор формы множественного числа всегда маркирован. Различие в значении числовых форм в ситуации выбора в одних случаях приглушено, в других выступает совершенно явно, и постоянно за формой единственного числа стоит представление об объекте вне связи с его реальной воплощенностью, а за формой множественного — значение реальной воплощенности и отсюда — "подтверждение" пространственной или временной координат, ср.: О как я рвуся тот мир оставить, Где маятники душу рвут ("Минута", 1923). Возможно: где маятник душу рвет. Здесь нет речи об одном или многих маятниках, об определенном маятнике или их неопределенном множестве. Форма множественного числа, сигнализируя о простран-

венно-временной нецелостности, тем самым актуализирует значение самого существования этого времени и пространства. Поэтическому высказыванию обеспечивается широкая соотносительность с реальным неязыковым миром, "вработанность" в него.

Сравнительно с формой единственного числа, выразительные возможности формы множественного числа как называющей словоформы несравненно более богаты. Они проявляются наиболее отчетливо в том случае, где выбор числовой формы невозможен и передача нужного смысла однозначно связывается с формой множественного числа. Воздействие признака нецелостности следует рассмотреть автономно по отношению к предметным и отвлеченным именам. По отношению к предметным именам можно говорить о следующем процессе: для того, чтобы предметное имя "заговорило" и стало обозначать не субстанцию (или не только субстанцию), но действие, признак, состояние, нужен сигнал, показывающий, что предмет мыслится как включенный в типовые ситуации, "памятью" которых он становится. Форма множественного числа выполняет роль такого сигнала. Выразительные возможности формы множественного числа от предметных имен определяются в следующем объеме: 1) через название предмета передается его типовое действие: Ишполит, это хуже пил! Это суще песка и пепла ("Жалоба", 1923); 2) форма множественного числа "дает характеристику по внешнему или внутреннему признаку, по состоянию ..."⁴: И не слишком ли строг Тот в монетах, в монетах, в туманах...; 3) форма множественного числа используется для "овеществления" называемого действия или состояния: Голова устала от чувств: Гимнов - лавров - героев - гидр. Формы множественного числа выступают как ситуативно-характеризующие знаки: Хотя бы в фонарный сток - От этой фатальной фальши: Папильоток, паленок, Шищов каленых, Волос паленых, Чешцов, клеенок, О-де-ко-лонов семейных, швейных счастлих (kleinwenig), Взят ли кофейник? Сушек, подушек, матрон, нянь, Душности бонн, бань ("Поезд", 1923). Ясно, что оценка дается не чешцам, клеенкам, сушкам и подушкам, а самой ситуации включенности в сиюминутный быт и его истощенности бытом. Лишь формы множественного числа, с их значением реальной воплощенности, обеспечивают нужное понимание.

Поэтическое высказывание стремится к тому, чтобы представить общее суждение о мире в зримых, опирающихся на повседневный опыт носителей языка образах - и тем самым опереться на восприятие мира носителем языка. Формы множественного числа как называющие словоформы представляют собой эффективное средство решения этой

задачи. Из приведенных примеров можно видеть, что формы множественного числа не только способны к категориальному изменению значения (называют не субстанцию, а признак, действие, ситуацию), но и легко метафоризируются. Обозначения физических объектов служат средством передачи психических состояний, переживаний. В данный процесс активно включаются названия природных реалий: Вот: пригруппными: вся выплеснута С моими дикостями — и тихостями, С моими радугами заплаканными... ("Литая вдоль...", 1922). Невозможно: * С моею радугой заплаканной. Основание для переноса значения лежит в том состоянии радости, которое вызывает видение радуги. Форма множественного числа называет радугу не просто как явление природы, а радугу в контексте той ситуации, которую она формирует и в которую включается радость зрения. Из двух числовых форм именно она оказывается способной стать номинацией психического состояния.

Особо следует отметить широко распространенные в поэтическом языке генитивные конструкции со значением "субъект — действие", "субъект — его состояние". Систематически используемая в этих конструкциях форма множественного числа обеспечивает им соотнесенность с неограниченным множеством разнообразных воплощений называемого явления: Крик станций: Останься! Вокзалов: о жалость! И крик полустанков. Не Дантов ли возглас: "Надежду оставь". И крик паровозов ("Крик станций", 1924). Форма множественного числа формирует позицию субъекта, которому открывается чрезвычайно широкое пространство восприятия, что придает поэтическому высказыванию высокую референтную мощь. В метафорических генитивных конструкциях форма множественного числа может быть непосредственно детерминирована лексическим значением подчиняющего слова: Крани мой котел (Зарев и смол!). Но она необходима и в тех случаях, когда характеризующий признак приписывается не отдельному экземпляру как эталонному представителю класса, а отражает результат своеобразного накопления признака на множестве экземпляров: в основном речь идет о субъективно-оценочном признаке и о метафорическом переносе. В поэтических строках Чтобы монетами Чудес не чваниться оценочная характеристика, передаваемая предметным именем монета, делается возможной как итоговая оценка всевозможных воплощений разных видов чудес (невозможно: * монета чудес). В сочетании Весной стоков водосточных базой для включения нужных ассоциативных признаков является не "водосточный сток" как предмет, а водосточные стоки весной, когда по ним течет вода (нельзя * весной

отока водосточного). Подобные конструкции обеспечивают поэтическому высказыванию ценность обобщения, основанного на наблюдении, на своеобразной картотеке реального мира. Метафора и оценка связываются не с понятиями, но с реальностью, они отражают точку зрения "из прошлого в настоящее"; почву для такой точки зрения создает форма множественного числа, которая оказывается связанной с такими значениями глагольных категорий, как изъявительное наклонение, прошедшее время, несовершенный вид. В генитивных метафорических конструкциях предметное имя во множественном числе систематически выступает как знак ситуации: Непреклонный как рок (Перед судорогой карманов (* Перед судорогой кармана)). Оно выступает в качественно-характеризующем значении: По наваждениям своим — как по мосту! С их невесомостью В мире гирь. "В мире гирь" — в мире тяжестей, в мире, который, как гиря, тянет вниз. Спрашивается, почему в данном примере не может передать качественно-характеризующее значение форма единственного числа: * В мире гиря? Ответ: форма множественного числа заставляет мыслить об объектах в контексте их реального существования и тем самым создает нужный ассоциативный фон. Этого номинативного предназначения нет у формы единственного числа.

Переходя к номинативным возможностям форм множественного числа других лексико-грамматических разрядов существительных, надо определить характер воздействия на них признака целостности. Значение нецелостности, идущее от множественного числа, трансформирует представление о качественно целостном объекте в представление о разных пространственно-временных реализациях качественно однородного признака или действия: "нежность, радость, печаль — имя соотносится с понятием, имеет сигнификативное значение; (телячьи)нежности, (мои)печали, (эти)радости — имя соотносится с ситуациями, событиями, называя и характеризуя их, и имеет денотативно-сигнификативное значение"⁵. Значение нецелостности в собирательных именах либо актуализирует реально имеющуюся пространственную выделенность членов множества, представленных как единство (Здесь строчества под коновсом Шебечут: шалишь Здесь молодости, как над мертвым, Полт над собой), либо создает представление о разных пространственно-временных воплощениях этих единств (С той же лампой вплоть — Лампой нищенств, студенчество, окраин). В вещественных именах значение нецелостности также воздействует на пространственный параметр, передавая дробное пространственное расположение вещества (Громки мра-

морине доли - А ее шаги - как в золы. Громки жвавленные скрепы,
А ее шаги - как в пеплы. "Молодец", 1922), либо представляя его
занимающим неограниченно широкий пространственный объем: Я ж, на
песках похолодевших лека. В день стойлу, в котором нет числа. В
данном примере значение широкой пространственной протяженности
определяет фигуральное прочтение высказывания, которое иначе бы
ло бы понято буквально (Я ж, на песке похолодевшем лека, ...).

В поэтическом идиолекте М.Цветаевой представлены следующие
формы множественного числа от имен названных лексико-грамматичес-
ких разрядов, не представленные или редко используемые в литера-
турном языке (в скобках приводятся реально встретившиеся сло-
воформы): 1) непроизводные имена, обозначающие разнообразные по-
нятия, связанные с духовной и психической жизнью человека: прав-
ды (правды, правд), жи (жей), верн (вер), неги (нег, негам),
счастья (счастий), дружон (дружон), блажи, памяти (памятей),
* тоски (тоск), истоны (истон), скверны (скверн), окуки (скуках),
славн (слав), волиба (волибам), жажн (жажн), анафемы (анафемам),
клеветы (клевет), уити (уитами); 2) бессуффиксальные и суффиксаль-
ные отвлеченные имена со значением действия и состояния, ка-
чества, собирательные имена: а) шелести (шелести, шелестами, ше-
лестах), клетоты, щибеты (щибетах), лепеты, трепеты (трепетов),
вздоги, шепота, рокота, погони (погонь), расправн (расправ),
разливы, жатвы (жатв), встряски; б) усыновления (усыновлений),
умиления (умилений), отчаянья (отчаяний), воцеления (воцеле-
ний), затмеья, забвенья (забвений), наважденья (наважденьям),
расставанья (расставаний), загаранья (загараньяк), подкрадыванья
(подкрадываньям), забармативанья (забармативаньями), главенство
(главенства); в) самоуправления (самоуправств), братства (братств,
братствах), сиротства (сиротств), отверженства (отверженств),
постоянства (постоянств), зверства (зверств), детства (детств),
отрочества (отрочества, отрочеств), жесвидетельства (жесвиде-
тельствами), нищенства (нищенств), студенчества (студенчеств),
млодости; г) потерянности (потерянностиам), разрозненности, не-
верности (неверностями), равности (равности, равностей), древнос-
ти (древности, древностей), сухости (сухостями), тусклости (туск-
лостями), скупости (скупостями), слепости (слепостями), седости
(седостями), мнимости (мнимостями), жавости (жавостей), невос-
ти (низостями), штампованности (штампованностей), недосказанности
(недосказанностями), косности (косностями); д) дремоты (дремот),
немоты (немот), длинноты, тесноты (теснот), зевоты (зевот), шед-

юты (щедрот); е) глубизна (глубизн), глушизын (глушизн), * кривизны (кривизи), * тишизын (тишизи), * дешевизны (дешевизи), * первоглубизны (первоглубизн); ж) вещественные имена: глины (глин), щепни (щепнях), золы, смолы (смол), * мраморы (мраморов, мрамора), * асфальты (асфальтов), * крови (кровей), пеплы. Ср. также: рои, ворохи (ворохах), * хвои (хвой), * крапивы (крапив), закисы (закисей), накипы (накипей), яды (ядов), загары (загарам).

Данные формы раскрывают свое предназначение на втором этапе развития идиолекта М. Цветаевой. Этот этап характеризуется построением поэтических высказываний, имеющих высокую степень обобщенности и максимально широкую область референции. Поэтическое высказывание строится так, чтобы быть инвариантным относительно всех возможных пространственно-временных воплощений. Ясно, что поэтические номинации в таком случае должны, с одной стороны, обладать высокой степенью обобщенности, и с другой, в них должен отразиться тот факт, что они непосредственно связаны с внеязыковым реальным миром, представляют итог его изучения и оценки. Этим требованиям удовлетворяют формы множественного числа от отвлеченных имен: это признаковые номинации, и поэтому по самой их сути под них можно подвести множество конкретных реализаций. Та же ревность воплощает себя в истории общества в бесконечно разнообразных конкретных ситуациях, но язык дает им всем одно обозначение, исходя из качественной целостности того, что называется ревностью. Но как показать, что речь идет не об абстрактном понятии, а о жизни, о воплощенных формах ревности? Здесь-то и приходит на помощь форма множественного числа. Подобно сигнальному звончку (если воспользоваться ахматовским языком), форма множественного числа постоянно напоминает, что абстрактные понятия мыслятся как оществленные и за ними стоит все неограниченное множество их референциальных реализаций. Данные формы имеют большой семантический потенциал: Здесь, над обродом кривизи. Совершенная жизнь... "Кривизи" — это и действия, и психические характеристики человека, и сами люди — носители "кривизн"; По загарам — топор и плуг. Хватит — смуглому праху дань. В слове загар выделяется семантический признак "внешнее, наносное, возникшее под чьим-либо воздействием", и с этой номинацией может быть соотнесен человек, предмет, поступок; О, его не привяжете К вашим знакам и тяжестим ("Бог", 1922). "Тяжести" могут быть как физического, так и психического порядка, и номинация охватывает все формы проявления тяжестей. Отвлеченные имена создают также своеобразные "моделирующие" но-

минации, выделяя самим актом означивания новый объект, подлежащий "номинации": Из слуховых глушизн; От высокотожественных немот; Недр сокровеннейшую гущу Я мнимостям переселию. Выразительные возможности форм множественного числа от имен данных лексико-грамматических разрядов определяются в следующем объеме: 1) форма множественного числа переводит ситуацию из точечной, локализованной во времени и пространстве, в неограниченно длящуюся: Друг! Дожди за моим окном! Беды и блажи на сердце; Ночные шепота: шелка Разглаживающая рука. Форма шепота передает значение прерывистого действия в пределах одной ситуации и одновременно обозначает множество ситуаций подобного рода. Интересно, что "квантованность" действия может быть передана и вещественным именем во множественном числе: Вадрагивающих асфальтов вдоль Копыта - как рукоплесканья; 2) форма множественного числа, "раздробив" отвлеченное понятие на ряд инстанций действия и качества, позволяет далее собрать их в новое разделительное множество: Забудешь ... Все древности, кроме: дай и мой. Все ревкости, кроме той, земной. Все верности - но и в смертный сой Неверующим Фомой. Поясняющие обороты с кроме вводят "образец" такого разделительного множества. Разделительность возникает также с введением качественного определителя: От вчерашних правд - В доме смрад и клам; Поверх старых вер, Новых навыков. В метафорических генитивных конструкциях вводится предметное имя, называющее форму объединения такого множества: в громком таборе дружб; в слепотекущий sklep памятей; сквозь ризу разлук; из сокровищницы подобий. Здесь происходит семантическое согласование подчиняющего и подчиненного слов, и замена на форму единственного числа невозможна. "Овеществленным" отвлеченным понятиям придается таким образом качество зримого, чувственного восприятия: Так, вопреки полотнищам Пространств, Треклятым простыням Разлук, ... Сквозь лихолетие эпохи, Лжей насыпи - из снасти в снасть..., Где по анафемам, как по насыпям - страсти; 3) формы множественного числа позволяют мыслить об отвлеченных понятиях в тех же категориях, которые прилагаются к предметному миру. Эти формы сочетаются с пространственными предлогами (из, от, над, сквозь, через, поверх и др.): меж всех отверженств; между отрочеств; между равенств; поверх захисей; поверх ржавостей, выступают как носители собственных характеризующих признаков: Жизнь: двоедушие дружб и удушье уродств. Как и в подобных данным конструкциях с предметными именами (ср.: В рвани валют и виз), оценка дается не понятию "дружба", а ее реальным "недолжным"

проявлениям. Данные формы могут использоваться в качественно-характеризующем значении: Жарких самоуправств Час - и тишеиных просьб. Час безземельных братств. Час мировых сиротств. В отличие от возможной здесь формы единственного числа форма множественного указывает на реальных объектов - носителей "сиротства", верителей "самоуправства". Это значение может явиться необходимым для реализации качественно-характеризующей связи: ... Что над городом утвержденных зверств. Прокаженных детств... (^жнад городом утвержденного зверства); 4) называющие словоформы множественного числа от отвлеченных и вещественных имен могут обозначать не только "инстанции действия и качества", но и соотноситься с предметами, природными реалиями, служить номинацией лица. При этом объект, с которым соотносится такая номинация, определяется непосредственно по этой номинации либо восстанавливается по тексту. Во всех случаях достигается как бы двойное представление объекта: с одной стороны, он пространственно выделен, а с другой - проявлен в своих свойствах либо действиях. В состав автономной номинации вводится обычно слово, позволяющее определить денотативную область, с которой она соотносится, ср.: Платных теснот ночных - Благе вода ("тесноты" - разнообразные казенные дома для встреч); О чем шумите вы, разливы лиственные? (т.е. листья). Неавтономная называющая словоформа поддержана текстовым знанием денотата. В одних случаях прямая номинация выносится в заглавие (ср.: "Седые волосы": Это пеллы сокровищ, Утрат; обид), в других - имеет место соположение прямой и признаковой номинации (Шатается купол - Рукай, сонм сил и слав!; Косматых воскрылий взлет, Аль так - ветла? ("На красном коне", 1920), в третьих - прямая и признаковая номинация дистантно представлены в тексте (ср.: в "Поэме лестницы" о "вещах бедных": Ваши рабства и ваши главенства - Погляди, погляди, как валятся!), наконец, акт "переназывания" может быть словесно зафиксирован в тексте: Читатели газет! Газет - читай: клевет. Газет: читай: растрат. Вещественное имя, формируя признаковую номинацию, также требует формы множественного числа: После мраморов Каррари Как живется вам с трухой Гипсовой? Форма единственного числа (После мрамора Каррари) передает только прямое значение, и высказывание лишается смысла. Семантическое взаимонасыщение предметных и непредметных имен может совершаться и в обратную сторону: признаковое имя выступает как прямая номинация, а следующее за ним предметное имя имеет качественно-характеризующую функцию, ср. в "Поэме конца" (1924): Загород, пригород: Дням

конец. Пегам (читай — камням) ... Признаковое имя может выступать как "моделирующая" номинация, тогда следующее за ним предметное имя вносит семантику овеществления, ср.: ... ибо пурпур сед В памяти, ибо выпив всю — Сухостями теку. Тусклостями: ущероленных жил Скупостями, молодых сивилл Слепостями, головных истом Седостями: свинцом ("Леты слепотекущий всхлип...", 1922). В данном примере глагол течь имеет валентность прямого "предметного" объекта. Форма множественного числа придает пространственную и временную членимость проявлениям качеств "сухости", "тусклости", "слепости", "седости". Эти номинации являются моделирующими, так как для обозначения выделенных ими состояний не находится адекватного словарного обозначения. Их толкование, раскрытие "тусклостей" идет друг через друга и заканчивается вещественным именем: свинцом. Тем самым глагол течь получает, наконец, нужный ему физический объект, но уже вмещающий целую совокупность разных смыслов; "свинец" — это застывшая кровь в жилах (ср.: истекать кровь), которая, что называется, меняет свой состав в зависимости от психического состояния человека, опыта и осмысления его жизни. Снимается оппозиция души и тела: психические процессы "физичны", а физические — "психичны". Данный пример, как и большинство приведенных, показывают ошибочность мнения о том, что в Цветаевском поэтическом мире противопоставлены физическое и психическое начало, "быт" и бытие". Сам ее поэтический язык говорит о синтезе того и другого. Так языковые механизмы, будучи познанными в своей сути и тщательно отобранными, смыкаются напрямую с содержательными характеристиками, передающими индивидуально-авторское видение мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А.М. Пешковский назвал в свое время категорию числа "ясной и прозрачной" в своем значении (Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. III). Исследования последующих десятилетий показали, что нет "ясности и прозрачности" ни в онтологии, ни в гносеологии, ни собственно в языковых аспектах этой категории. Выделились два направления: рассматривать данную категорию как "конгломерат гетерогенных функций" (Качнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 31), отказывать ей в целостности, считая категорию числа в отвлеченных именах "асемантической"

(Г а к В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979), либо видеть в данной категории основной способ выражения предметности. Развиваемое здесь понимание семантики категории числа ближе всего к концепции, предлагаемой Д.И.Руденко (См.: Руденко Д.И. Общее имя как явление естественного языка// Изв.АН СССР, сер. Лян. 1986. № 1).

2. Противопоставление конкретной и отвлеченной лексики по связи с пространственным либо временным параметром детально анализируется Н.Д.Арутюновой (См.: Арутюнова Н.Д. Предложения и его смысл. М., 1976).
3. Термин принадлежит П.А.Соболевой (См.: Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омономия. М., 1980).
4. Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. М., 1980. С.300.
5. П о т а п о в а М.Д. Семантика грамматической категории числа в свете понятия "множество"//Изв. АН СССР, сер. Лян. 1983. № 2. С.138-139.